

Т.В. Панич*

ЦЕРКОВНЫЕ ПИСАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА
В БОРЬБЕ С РАСКОЛОМ**doi:10.31518/2618-9100-2024-2-10
УДК 821.161'01"16"

Выходные данные для цитирования:
Панич Т.В. Церковные писатели второй половины XVII века в борьбе с расколом // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 147–155.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-10.pdf>

T.V. Panich*

CHURCH WRITERS OF THE SECOND HALF
OF THE 17TH CENTURY IN THE STRUGGLE AGAINST SCHISM**

doi:10.31518/2618-9100-2024-2-10

How to cite:
Panich T.V. Church Writers of the Second Half of the 17th Century in the Struggle Against Schism // Historical Courier, 2024, No. 2 (34), pp. 147–155.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-10.pdf>]

Abstract. The church reform of the second half of the 17th century, initiated by Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich, and the split of the Russian Orthodox Church led to the appearance of numerous polemical writings reflecting the contradictions between adherents and opponents of ceremonial innovations. Of the many texts of the second half of the 17th century related to the topic of schism, written on both sides of the conflict, the texts of representatives of the patriarchal Church have been studied to a lesser extent than the writings of defenders of the “old faith”. This circumstance determined the purpose of this article. The anti-Old Believers writings of church writers of the second half of the 17th century: Epiphany Slavinetsky, Simeon Polotsky, Athanasiy Kholmogorsky, Ignatij (Rimsky-Korsakov), etc. are used as research materials. Based on the materials of the texts of these authors, the features of the struggle against schism in the second half of the 17th century are considered, the forms of organization of polemical discourse are revealed, the problematic and main directions of criticism of the views of the defenders of the “old faith” are determined. One of the first accusers of the opponents of the ritual reform was Epiphany Slavinetsky, who wrote several sermons on the topic of schism. The writer defended the position of the Church, explained and justified the reasons and the need for Patriarch Nikon’s reform, and denounced the ignorance of its opponents. Later, the writings of other church writers aimed at combating the schism appeared, “The Rod of Government” by Simeon Polotsky, “The Spiritual Covenant” by Athanasiy Kholmogorsky, “The Word on Nikita Pustosvyat” by Patriarch Joachim, etc. The study of these texts allows us to see how the directions of criticism developed, which were formulated by Epiphany Slavinetsky in the earliest period of the confrontation. Over time, the writings of the writers gradually actualize new controversial topics, new methods of denouncing the advocates of the “old faith” and their teachings, and the range of sources used as arguments in the fight against the schism in the second half of the 17th century significantly expands.

Keywords: 17th century, church writers, Old Believers, struggle against schism.

The article has been received by the editor on 03.03.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Тамара Васильевна Панич**, доктор филологических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: panich.t@yandex.ru

Tamara Vasil'evna Panich, Doctor of Philological Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: panich.t@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006).

Аннотация. Церковная реформа второй половины XVII в., инициированная патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, и раскол Русской православной церкви привели к появлению многочисленных полемических сочинений, отразивших противоречия между приверженцами и противниками обрядовых нововведений. Из всего множества текстов второй половины XVII в., связанных с темой раскола, написанных с обеих сторон конфликта, тексты представителей патриаршей церкви исследованы в меньшей степени, чем сочинения защитников «старой веры». Это обстоятельство определило задачу настоящей статьи. В качестве материалов исследования привлечены антистарообрядческие сочинения церковных писателей второй половины XVII в.: Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, Афанасия Холмогорского, Игнатия (Римского-Корсакова) и др. На материалах текстов этих авторов рассматриваются особенности борьбы с расколом во второй половине XVII в., раскрываются формы организации полемического текста, определяется проблематика и основные направления критики воззрений защитников «старой веры». Одним из первых обличителей противников обрядовой реформы был Епифаний Славинецкий, которому принадлежат несколько проповедей на тему раскола. Писатель отстаивал позицию церкви, разъяснял и обосновывал причины и необходимость реформы патриарха Никона, обличал невежество ее противников. Позднее появились сочинения других церковных писателей, направленные на борьбу с расколом: «Жезл правления» Симеона Полоцкого, «Увет духовный» Афанасия Холмогорского, «Слово на Никиту Пустосвята» патриарха Иоакима и др. Изучение этих текстов позволяет увидеть, как развивались направления критики, которые были сформулированы еще Епифанием Славинецким в самый ранний период противостояния. Со временем в сочинениях писателей постепенно актуализируются новые дискуссионные темы, новые приемы обличения поборников «старой веры» и их учения, значительно расширяется круг источников, используемых в качестве аргументов в борьбе с расколом во второй половине XVII в.

Ключевые слова: XVII век, церковные писатели, старообрядцы, борьба с расколом.

Статья поступила в редакцию 03.03.2024 г.

Из множества сочинений второй половины XVII в., связанных с темой раскола Русской православной церкви, написанных с обеих сторон противостояния, тексты представителей патриаршей церкви исследованы в меньшей степени, чем сочинения противников обрядовой реформы. Между тем их изучение позволяет глубже понять позицию авторов этих сочинений, особенности борьбы с расколом во второй половине XVII в., а также помогает раскрыть способы и принципы организации полемического дискурса, проблематику и основные направления критики старообрядцев.

Уже на раннем этапе формирования протестных настроений сторонников «древлего благочестия», выступивших против нововведений патриарха Никона, появились направленные против них сочинения со стороны представителей патриаршей церкви. Одним из первых обличителей раскола был ученый монах, выпускник Киевской братской школы, грекофил, переводчик, талантливый писатель Епифаний Славинецкий, который активно участвовал в книжной справе, работал по подготовке Служебника (М., 1655) и Скрижали (М., 1656)¹. Из большого количества текстов Епифания, написанных в форме проповеди², известно несколько сочинений, посвященных теме раскола (названия отдельных из них пред-

¹ В написанных Епифанием Славинецким предисловиях к этим книгам были изложены основные положения программы патриарха Никона.

² А.С. Елеонская выявила по нескольким рукописным сборникам 48 сочинений ораторской прозы из литературного наследия Епифания Славинецкого. Исследовательница при этом заметила, что таких учительных текстов писателя было написано гораздо больше. См.: Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990. С. 63–64.

ставляют собой библейские цитаты, используемые в качестве «тематических ключей», открывающих смысл текста): «И знамение велие явися на небеси, Жена облечена в Солнце» (Откр. 12:1); «Словеса Господня, словеса чиста...» (Пс. 11:7); «Сердце мое смятеся во мне, и страх смерти нападе на мя» (Пс. 54:5); «На непокорники Церкви от лица тоя»; и слово с похожим названием, но с другим содержанием, – «На мятежники Церкви».

В своих проповедях Епифаний Славинецкий критиковал поборников «старой веры», отстаивал позицию церкви, разъяснял и обосновывал причины и необходимость книжной sprawy (как важной части реформы патриарха Никона) и обрядовых изменений. Среди указанных сочинений самым значимым по своему содержанию и идейной направленности является слово «На непокорники Церкви от лица тоя», которое, по замечанию В.Ф. Певницкого, представляло собой «первое публичное церковное слово против раскола»³. Сочинение было написано Епифанием Славинецким, по-видимому, в самый ранний период борьбы между сторонниками и противниками нововведений. Это было то время, когда, по словам Н.Ю. Бубнова, «обе стороны еще не осознавали до конца сущность и глубину разделившей их идеологической пропасти»⁴. Как показал анализ текста, в слове «На непокорники Церкви» была намечена основная полемическая проблематика и сформулированы главные направления критики воззрений адептов «древлего благочестия»⁵.

В качестве главной проблемы, лежащей в основе непримиримой позиции противников реформы по отношению к ее результатам, Епифаний Славинецкий называл невежество, отмечал отсутствие необходимых знаний у критиков нововведений не только в вопросах догматики, но и в грамматике, подчеркивал несоответствие уровня их знаний предмету споров. Он писал: «О, безумия! О, продерзости! О, тщеславия! Буии и неискуснии человеци, едва писмена слагати навывкшии, грамматическия же хитрости, не помяну риторския, философския и богословския, ими же все состоится Писание божественное, ниже наченшии вкушати, дерзают божественная Писания по своему невежеству толковати, паче же реку – развращати...»⁶.

При этом Епифаний пытался убедить ополчившихся на «новые» книги защитников «старой веры» в том, что исправления не касаются догматического богословия, как он писал: «Не вера в догматах своих исправляется <...> но токмо речений некая от добрых и праведных преводов, ова невежествующих писателей недоумением и описками, ова же типографии правителей непризрением и невежеством измененная и преложенная...»⁷.

Еще одним важным направлением полемики Епифания Славинецкого было обличение расколуучителей в нарушении церковных канонов: в посягательстве их на функции священства, обладающего исключительным правом решения церковно-канонических вопросов. Епифаний называл своих оппонентов «тайноучителями» и «похитителями чужого звания». Ссылаясь на прецеденты библейской истории, он призывал их «не даннаго же чина и достоинства отнюдь никако же восхищати». В контексте обсуждения этой темы писатель напомнил эпизод, повествующий о восстании и наказании Корея, Дафана и Авирона (Числ. 16:1–40), который наглядно показывал недопустимость священнодействий непосвященными. Епифаний от имени церкви обращался к читателям: «Зрите, православнии людие, яко похитителие чужаго звания от Бога казними. Разсудите же и мою прю с новопрозябающими тайноучителми, иже не востают ли, яко на Моисеа и Аарона, на весь собор архиерейский, клеветуеще и укоряюще нелепо хулными и ругательными словесы: не болшая

³ Певницкий В.Ф. Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы в XVII в. // Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1861. Кн. 10. С. 158. Исследование и публикацию текста сочинения по двум спискам последней трети XVII в. (ГИМ, Синодальное собрание, № 1, л. 496–502 об. и БАН, 16.14.24, л. 61–72) см.: Панич Т.В. Слово «На непокорники Церкви» – памятник ранней антистарообрядческой полемики // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX в. Новосибирск, 2006. С. 158–180. Оба списка выполнены учеником и ближайшим помощником Епифания Славинецкого в книжном деле – Евфимием Чудовским.

⁴ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. С. 27.

⁵ Панич Т.В. Слово «На непокорники Церкви» – памятник ранней антистарообрядческой полемики... С. 165–172.

⁶ Цитирую по: Панич Т.В. Слово «На непокорники Церкви»... С. 174.

⁷ Там же. С. 177.

ли хищают, неже кадилницы, внегда суд таин божественнаго Писания себе приобщают, иже самым есть архиереем приличен, по Христову глаголу к апостолом: «Вам дадеся знати тайны царствия Божиего, прочим же – в притчах»⁸. При этом автор слова напоминал завет апостола Павла (1Кор. 7: 24), согласно которому, «В каком звании кто призван, братие, в том да пребывает».

В проповеди Епифания Славинецкого нашла отражение и тема гонений на церковь, спровоцированная извечным ее врагом – дьяволом. Писатель выражает уверенность в ее несокрушимости и бессмертии и предрекает от имени церкви неотвратимую духовную гибель ее врагам. «Ратует выну диавол на мя, Церковь божественную, но ничтоже успевае! Елижды бо он наблюдает пяту мою, толижды стираю того главу... Яко сень к солнцу, тако тех клеветы к невинности правителей моих церковных, исчезнут клеветницы, яко сень, аще не исправятся от пути своего погубелнаго»⁹.

Те же мысли Епифаний выразил и в другом своем сочинении – «И знамение велие явися на небеси...». Здесь он призывал «раскольников и мятежников» «ветхое непокорнаго вретнице нрава раздрати и в мысленное правды Солнце Христа, яко во златозарну ся одежду одяети, расколство же и упорство, яко непостоянну суцу, Луну под ноги отвращати... Не даннаго же чина и достоинства отнюд никако же восхищати и в нем же чине кийждо призван бысть, в том да и пребывает...»¹⁰.

Проповеди писателя отличает эмоционально окрашенный экспрессивный стиль. Повествование наполнено метафорами, символами, пронизано библейскими образами и мотивами, сюжетами ветхозаветной истории. Они служат писателю в качестве иллюстративного материала и аргументов в защиту высказываемой позиции.

Идеи и подходы Епифания Славинецкого затем будут использованы в антистарообрядческих полемических сочинениях других церковных писателей второй половины XVII в. При этом критика старообрядцев облекалась авторами этих текстов в разные жанровые формы, в том числе стихотворные. Например, ученик Епифания Славинецкого, Евфимий Чудовский, написал стихи «На расколники о кресте и молитве Иисусове и о иных»¹¹. Однако стоявшие перед авторами обличительных сочинений задачи – дать ответы на комплекс претензий, сформулированных критиками обрядовой реформы, – требовали создания соответствующих им обстоятельных пространственных текстов с привлечением разнообразных источников. Так, если Епифаний Славинецкий с целью критики и обличения «раскольников» использовал жанр слова, то Симеон Полоцкий избрал большую форму – форму книги. Он написал книгу «Жезл правления» (М., 1667), в которой рассмотрел целый ряд конкретных спорных вопросов, дав критическую оценку Челобитной Никиты Добрынина и «Свитка» попа Лазаря, где были изложены претензии адептов «старой веры» к нововведениям патриарха Никона.

Спустя пятнадцать лет после выхода из печати «Жезла правления» появилось новое большое по объему сочинение, посвященное борьбе с расколом, – книга «Увет духовный» Афанасия Холмогорского (М., 1682). На этот раз написание книги было мотивировано резким подъемом старообрядческого движения летом 1682 г. Большую часть «Увета духовного» автор посвятил критическому разбору и опровержению положений челобитной старообрядцев относительно книжной sprawy и обрядовых нововведений патриарха Никона. Она была представлена ими во время прений о вере 5 июля 1682 г.¹²

⁸ Панич Т.В. Слово «На непокорники Церкви»... С. 176.

⁹ Там же. С. 179.

¹⁰ ГИМ, Синодальное собрание, № I. Л. 518.

¹¹ Текст опубликован в кн.: Сазонова Л.И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006. С. 767.

¹² Челобитная была подготовлена монахом Сергием и Никитой Добрыниным (Пустосвятом). Об истории этого текста см.: Усенко О.Г. О челобитных в защиту «старой веры» (лето 1682 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51. С. 385–395. Ее текст сохранился во фрагментах лишь в «Увете духовном» (см.: Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России... С. 175).

Незадолго до «Увета духовного», в июле 1682 г., вышло из печати еще одно антистарообрядческое сочинение под именем патриарха Иоакима – «Слово на Никиту Пустосвята»¹³. Оно, по мнению В.И. Буганова, было «специально приурочено к диспуту о вере»¹⁴. По-видимому, именно этот текст патриарха Иоакима упомянут в «Увете духовном», где описаны события, происходившие накануне прений. Как сообщается в книге, текст сочинения должен был огласить перед бунтовщиками спасский протопоп Василий. Правда, здесь сочинение названо «Увещательным поучением к народу»¹⁵.

События старообрядческих выступлений летом 1682 г. нашли отражение и в сочинении, структура которого выстроена в форме записок о Стрелецком бунте, – «Созерцании кратком» Сильвестра Медведева (труд был завершён к 1689 г.¹⁶). Та часть сочинения, где описан спор о вере в Грановитой палате и события вокруг него, текстуально зависит от соответствующего фрагмента «Увета духовного»¹⁷. «Увет духовный» оказал влияние и на другие сочинения современников автора книги, в которых нашла отражение тема раскола¹⁸.

В ряду антистарообрядческих сочинений второй половины XVII в. одно из значимых мест занимает эпистолярный комплекс «Сибирские послания», посвященный борьбе с расколом в Сибири и принадлежащий сибирскому и тобольскому митрополиту Игнатию (Римскому-Корсакову). В данном случае писатель обратился к эпистолярному жанру с целью обличения старообрядцев и назидания своей паствы. Окончание работы над текстом посланий помечено самим автором – 12 апреля 1696 г.¹⁹

Полемическую проблематику всех перечисленных сочинений составляет круг спорных проблем, вызванных церковной реформой патриарха Никона. Среди них проблемы книжной sprawy, конкретные обрядовые вопросы (форма креста и крестного знамения, «сугубая» или «трегубая» аллилуйя, написание имени Иисус и др.). Авторы указанных текстов взяли на вооружение тезис Епифания Славинецкого о невежестве противников церковной реформы, сделав невежество основной причиной искаженного ее восприятия защитниками «старой веры» и главной мишенью своей критики.

О невежестве поборников староверия вслед за Епифанием Славинецким писал Симеон Полоцкий в «Жезле правления». Он едко высмеивал Никиту Добрынина за его, как он считал, малограмотность, которая стала причиной нелепого истолкования им текста «Скрижали», где речь шла о грешнике, несущем свой крест. Обращаясь к последователям Никиты, Симеон Полоцкий указывает на отсутствие у него не только богословских, но и грамматических знаний, и рисует образ слепца и безумного их вождя: «Выше силы стремление погубляет силу, зряи в солнце – помрачается. Тако и ум свой возводя в предлоги вышесилныя – обезумляется. Видети сие годствует во Никите, иже дерзав во богословския глубины ум свой пущати, се на брезу грамматического разума и в мелкости ея утопает. Солнце хотевый соглядати, стези не видит... Виждьте, колико умен буесловец Никита... Кто здравый разум имея, видя тя слепа быти в грамматице, вознепщует тя очита быти в богословии? Виждьте сие, о никитоподражателие, какова имеете вожда. Ей, слепа и безумна!»²⁰.

Любопытно, что этот фрагмент (как и другие части текста «Жезла правления») в переработанном виде использован автором «Увета духовного». Споря с идеологами староверия,

¹³ Еще раньше было издано также под именем патриарха Иоакима сочинение на тему перстосложения «Извещение чудесе о сложении триех первых перстов». М., 1677.

¹⁴ Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 222.

¹⁵ Увет духовный. М., 1682. Л. 60.

¹⁶ Козловский И.П. Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII в. Киев, 1895. С. 102.

¹⁷ Об этом см.: Панич Т.В. Спор о вере в книге «Увет духовный» Афанасия Холмогорского // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 18–20.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Дата присутствует во всех известных четырнадцати списках комплекса. Исследование и публикацию текста посланий по списку из библиотеки Афанасия Холмогорского см.: Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С 220 // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 156–247.

²⁰ Жезл правления. М., 1667. Л. 23–23 об.

Афанасий Холмогорский, так же как и Симеон Полоцкий, делает акцент на проблеме невежества, обвиняя староверов и их идеологов и вождей в отсутствии «грамматического знания», духовной слепоте. Автор «Увета» считает недопустимым рассуждать и спорить по догматическим вопросам и каким-либо аспектам книжной sprawy при отсутствии необходимых знаний: «И писания не умеющему, како стязатися о вере возможно, яко ничего не знают, по святому же Писанию: держаи рало, когда умудрится? И мужик неук, грубостию и досадою дмяся, когда во истинне утвердится, аще не будет последовати и слушати государей своих и пастырей и начальников»²¹.

Как и автор «Жезла правления», Афанасий Холмогорский обличает старообрядческих наставников в посягательстве на функции священства. Большое место в «Увете духовном» занимает и тема гонений на церковь.

Эти же темы поднимает и автор «Слова на Никиту Пустосвята». В частности, он обрушивает свою критику на тех, кто предъявляет претензии реформаторам по поводу новоизданных исправленных книг: «А они слепии ни оных словес силы, ни с чего деланы, и како что исправлено бысть, не разумеют. И таким слепцам, и неведгласам Писания божественных книг знати есть невозможно для того, что коему ремеслу – иконному художеству или златарному, или иному который человек не учился, – того делати не умеет. А иный и учася, яко мастер зделати не может»²². Здесь, как видим, снова реализуется мотив призвания, лежащий в основе формулы апостола Павла из 1 послания коринфянам (1Кор. 7:24): «В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом». Автор «Слова на Никиту Пустосвята» утверждает: «В божественном же писании частей мудростных наук не учася нимало, совершенно кому убо невозможно знати, яко разными смыслами пишутся книги... А еже где речения исправишася, и то несть вина, ни есть ересь. И се их неразумное блядство, понеже егда не было во всех государствах печати, и тогда книги писашася. И от неискуса правописания и познания речения многая изменишася...»²³.

В «Увете духовном» тема книжной sprawy получает свое развитие. Автор книги в рамках этой темы размышляет не только об изучении грамматики, но и о переводческом деле, сложности греческого языка и трудностях перевода. Интерес представляют его размышления о книгопечатании, его культурном значении. Писатель отмечает важную роль книгопечатания в распространении знаний, в деле просвещения, откликаясь, таким образом, на одну из актуальных проблем второй половины XVII в. – проблему образования²⁴. Важны сделанные писателем наблюдения о стабильности печатного текста в сравнении с неустойчивым рукописным, а также о его доступности (благодаря тиражированию), в отличие от рукописного, для гораздо большего числа читателей. Он отметил также такую важную функцию печатной книги, как распространение знаний. Свою оценку книгопечатания автор «Увета духовного» выражает в таких словах: «Егда же благодатиею Божиею люди болши начали о истинном известии святых книг тцатися и учитися писанию многия и печатати книги, тогда уже всюду во всем российском государстве, якоже в царствующем граде, тако и во всех странах, книги едины и наречия в них едины, и учащиися Писанию знание имут едино...»²⁵. Отличительной особенностью «Увета духовного» является его весьма обширный круг источников (количественно превосходящий источники в других антистарообрядческих сочинениях), на которых строится полемический дискурс автора и которые характеризуют его как незаурядного знатока книжности. Афанасий называл «неоцененным сокровищем» книжные собрания (библиотеки патриарха и Печатного двора), к которым обращался в поисках аргументов, и подчеркивал их просветительскую ценность. Вероятно, поэтому

²¹ Увет духовный. М., 1682. Л. 89–89 об.

²² Слово на Никиту Пустосвята. М., 1682. Л. 6 об.–7.

²³ Там же. Л. 7–7 об.

²⁴ В этот период шли дискуссии о характере русского просвещения, обсуждались планы создания в Москве высшего учебного заведения (см.: Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII в. М., 2009. С. 189–267).

²⁵ Увет духовный. Л. 263–263 об.

книга «Увет духовный» оказалась самой востребованной у читателей из всех перечисленных выше сочинений. Об этом свидетельствует и факт ее переизданий в XVIII в.²⁶

Сосредоточенность авторов рассматриваемых текстов на проблемах невежества и знания показывает, что эти вопросы во второй половине XVII в. выходят на первый план. Обличение невежества в сочинениях, направленных против раскола, приобретает особое значение и используется их авторами в качестве средства дискредитации оппонентов. Невежеству противопоставляется знание. При этом оппозиция *знание – невежество* использовалась не только в полемике со старообрядцами, но и внутри самого лагеря их обличителей – в идейной борьбе между писателями разных культурных ориентаций²⁷. Как писал В.М. Живов: «После большого Московского собора 1666–1667 гг. ... оппозиция знания и невежества актуализируется и становится важнейшим инструментом в культурно-политической борьбе»²⁸. В изображении церковных писателей старообрядцы предстают как «невегласы», неграмотные грубые мужики, которым не дано понять глубины сакральных и литургических текстов. Однако если Епифаний Славинецкий относился к «многомятежным раскольникам» сравнительно терпимо, что отмечал еще В.Ф. Певницкий²⁹, очевидно, не теряя надежды на их «исправление», то его последователи крайне ожесточенно обличали ревнителей «старой веры», наделяя их резко негативными оценочными характеристиками и призывая к жестокому наказанию «мятежников». По словам автора «Слова на Никиту Пустосвята», «Поистинне недостойно не точию во дома таких церковных мятежников пущати, но и малаго куса хлеба в снедь подати им... И за сии вины такие расколники соборныя Церкви и досадители без всякаго милосердия по правилом извергаются от Церкви и проклятию подлежат. По градским же законом, суровыми муками казнятся»³⁰.

В сочинениях, посвященных борьбе с расколом, в разные периоды становились актуальными определенные обрядовые или догматические вопросы, со временем на первый план выступали новые персонажи идейного противостояния. Актуальность приобретали те или иные события, связанные с историей раскола, следовательно, они становились предметом рассмотрения в этих текстах. Например, в «Сибирских посланиях» Тобольского митрополита Игнатия мишенью критики становятся лидеры старообрядческого протестного движения Урало-Сибирского региона Авраамий (в миру Алексей Иванович Венгерский), Дометиан (Даниил), Яков Лепихин, Иосиф Астомен и др., хотя автор не оставил без критического внимания и московских поборников «старой веры». Очень большое место в «Сибирских посланиях» автор посвятил теме старообрядческих гарей, которые получили широкое распространение в последние десятилетия XVII в., в том числе в Сибири. Хотя следует сказать, что тема массовых старообрядческих самосожжений затрагивалась ранее и в других сочинениях церковных писателей второй половины XVII в. Однако наиболее пристальное внимание ей уделил митрополит Игнатий. Он включил в композиционную структуру своих посланий несколько литературно оформленных рассказов о старообрядческих «гарях» (в частности, «Березовская гать» 1679 г. и самосожжение в деревне Поломошной Томского уезда 1691 г.). Эти яркие по своему содержанию повести позволили писателю в простой доходчивой форме выразить позицию патриаршей церкви по отношению к противникам реформы, показать опасность учения об «огненной смерти»³¹.

Интересно, что в посланиях митрополита Игнатия получила актуальность также тема колдовства. Обвинение в колдовстве использовалось им как одно из действенных средств

²⁶ Афанасий (Любимов). Увет духовный. М., 1753 и М., 1791 (см.: Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968. С. 173, 394).

²⁷ Примером может служить противостояние Евфимия Чудовского и Петра Артемьева, обличавшего, как известно, чудовского книжника в невежестве.

²⁸ Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004. С. 12.

²⁹ Певницкий В.Ф. Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы в XVII в. ... С. 160.

³⁰ Слово на Никиту Пустосвята. Л. 12.

³¹ Панич Т.В. Повести о старообрядческих «гарях» из Сибирских посланий Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 124–141.

дискредитации старообрядцев, в частности, их идеологов. Этот прием тобольский митрополит использовал в Третьем послании, посвятив данной теме несколько фрагментов. Например, в одной из глав послания обличается лидер урало-сибирского старообрядческого протеста – Федор Тарский, обвиненный властями в использовании магии. Опираясь на следственные документы по его делу, митрополит Игнатий обвинял Федора в том, что он отрекся от Бога и угождал сатане, используя колдовство и заговоры во всех житейских делах. «Сибирские послания» содержат и другие эпизоды на тему магии и колдовства.

Автор «Сибирских посланий», как и его современники, выстраивал свою критику на основе широкого круга самых разных источников. Он использовал библейские тексты, труды отцов церкви, служебную литературу, документальные материалы, летописи, устные рассказы сибиряков, тексты сюжетного повествования.

Таким образом, анализ антистарообрядческих сочинений церковных писателей второй половины XVII в. позволяет увидеть, как последовательно развивались те направления критики раскола, которые были сформулированы еще Епифанием Славинецким в начале противостояния между реформаторами и противниками обрядовых нововведений. Вместе с тем со временем в церковной публицистике постепенно актуализируются новые дискуссионные темы, новые приемы обличения поборников «старой веры» и их учения, значительно расширяется круг источников, используемых в качестве аргументов в борьбе с расколом.

Литература

Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб.: БАН, 1995. 434 с.

Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М.: Наука, 1969. 440 с.

Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М.: Наука, 1990. 223 с.

Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 355 с.

Козловский И.П. Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII в. Киев, 1895. 362 с.

Панич Т.В. Слово «На непокорники Церкви» – памятник ранней антистарообрядческой полемики // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. С. 158–180.

Панич Т.В. Повести о старообрядческих «гарях» из Сибирских посланий Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 124–141.

Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С 220 // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 156–247.

Панич Т.В. Спор о вере в книге «Увет духовный» Афанасия Холмогорского // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 14–21.

Певницкий В.Ф. Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы в XVII в. // Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1861. Кн. 8. С. 405–438; Кн. 10. С. 135–182.

Сазонова Л.И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.

Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века / сост. А.С. Зернова, Т.Н. Каменева. М., 1968. 567 с.

Усенко О.Г. О челобитных в защиту «старой веры» (лето 1682 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51. С. 385–395.

Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII в. М.: Языки славянских культур, 2009. 296 с.

References

- Bubnov, N.Yu. (1995). *Staroobryadcheskaya kniga v Rossii vo vtoroy polovine XVII v.* [The Old Believer's Book in Russia in the Second Half of the 17th Century]. St. Petersburg, BAN. 434 p.
- Buganov, V.I. (1969). *Moskovskie vosstaniya kontsa XVII v.* [Moscow Uprisings of the End of the 17th Century]. Moscow, Nauka. 440 p.
- Eleonskaya, A.S. (1990). *Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII v.* [Russian Oratorical Prose in the Literary Process of the 17th Century]. Moscow, Nauka. 223 p.
- Fonkich, B.L. (2009). *Greko-slavyanskije shkoly v Moskve v XVII v.* [Greco-Slavic Schools in Moscow in the 17th Century]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 288 p.
- Kozlovsky, I.P. (1895). *Sil'vestr Medvedev. Ocherk iz istorii russkogo prosveshcheniya i obshchestvennoy zhizni v kontse XVII v.* [Sylvester Medvedev. An Essay from the History of the Russian Enlightenment and Public Life at the End of the 17th Century]. Kiev. 362 p.
- Panich, T.V. (2006). Slovo "Na nepokorniki Tserkvi" – pamyatnik ranney antistarobryadcheskoy polemiki [The Word "On the Disobedient" of the Church is a Monument to the Early Anti-Old Believers' Controversy]. In *Obshchestvennoe soznanie naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX v.* Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, pp. 158–180.
- Panich, T.V. (2019). Sibirskie poslaniya Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) po spisku BAN, Arhangel'skoe sobranie, C 220 [Siberian Epistles of Ignatij (Rimsky-Korsakov) According to the LAS Register, Arkhangel'sk Collection, C 220]. In *Istochniki po istorii Rossii: problemy obshchestvennoy mysli i kultury.* Novosibirsk, pp. 156–247.
- Panich, T.V. (2019). Povesti o staroobryadcheskikh "garyah" iz Sibirskikh poslanij Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) [Stories about Old Believer's "Burns" in the Siberian Epistles by Ignatij (Rimsky-Korsakov)]. In *Vestnik Yekaterinburgskoy duhovnoy seminarii.* No. 2 (26), pp. 124–141.
- Panich, T.V. (2023). Spor o vere v knige "Uvet dukhovnyy" Afanasiya Kholmogorskogo [The Dispute about Faith in the Book "The Spiritual Covenant" by Athanasij Kholmogorsky]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* Vol. 30, No. 3, pp. 14–21.
- Pevnitskiy, V.F. (1861). Epifaniy Slavinetskiy, odin iz glavnykh deyateley russkoy dukhovnoy literatury v XVII v. [Epiphany Slavinetsky, One of the Main Figures of Russian Spiritual Literature in the 17th Century]. In *Trudy Kievskoy Dukhovnoy akademii.* Kiev, Book 8, pp. 405–438; Book 10, pp. 135–182.
- Sazonova, L.I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii: Rannee Novoe vremya* [Literary Culture in Russia: Early Modern Times]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 894 p.
- Usenko, O.G. (1999). O chelobitnykh v zashchitu "staroy very" (leto 1682 g.) [On Petitions in Defense of the "Old Faith" (Year of 1682)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury.* St. Petersburg. Vol. 51, pp. 385–395.
- Zernova, A.S., Kameneva, T.N. (Eds.). (1968). *Svodnyy katalog russkoy knigi kirillovskoy pečati XVIII v.* [The Consolidated Catalog of the Russian Book of the Cyrillic Seal of the 18th Century]. Moscow. 567 p.
- Zhivov, V.M. (2004). *Iz tserkovnoy istorii vremen Petra Velikogo: issledovaniya i materialy* [From the Church History of the Time of Peter the Great: Research and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 355 p.